

ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

ВИЗИТЫ А.И. МИКОЯНА В ХАНОЙ И ПЕКИН

И.Н. СЕЛИВАНОВ

Доктор исторических наук
Курский государственный университет

Ключевые слова: советско-вьетнамские отношения, советско-китайские отношения, внешняя политика СССР после XX съезда КПСС, перегибы в строительстве социализма

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, состоявшийся в феврале 1956 г., стал своеобразным рубежом в отношениях Советского Союза с социалистическими странами Восточной Азии, значительно ослабив советское влияние в этом регионе. Хотя абсолютное большинство «братских партий», пусть даже некоторые и формально, поддержало его решения, они с тревогой встретили сообщения о развенчании культа личности И.В. Сталина и тех методов, которыми он пользовался при проведении курса на социалистическое строительство как в Советском Союзе, так и в «странах народной демократии» в Восточной Европе и в Восточной Азии.

Наиболее негативная реакция наблюдалась в Китайской Народной Республике (КНР), Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР) и Демократической Республике Вьетнам (ДРВ), никогда в своей истории не имевших опыта демократического развития и воспринимавших «сталинскую модель» социализма как очередную «реинкарнацию» традиционной восточной политической системы¹. Опасаясь лишиться советской экономической и военной поддержки, их лидеры все же вынуждены были пойти на публичное одобрение решений XX съезда КПСС.

Для многих из них возникла и реальная угроза стать жертвами сведения политических счетов и быть отстраненными от власти, как это было в 1948-1952 гг. при подготовке в ряде стран Восточной Европы судебных процессов над мнимыми и подлинными сторонниками И.В. Сталина.

Неудачная попытка отстранения от власти Ким Ир Сена под предлогом критики культа его личности произошла летом 1956 г. в КНДР в ходе пленума

правящей Трудовой партии. Накануне этого пленума Ким Ир Сен, стремясь заручиться поддержкой своего курса, совершил поездки практически во все социалистические страны Восточной Европы, а также в СССР и МНР². КНР и ДРВ по какой-то причине из этой цепочки выпали³.

Что касается лидеров КНР, то к тому моменту они уже четко определились в своей поддержке единственного вождя - Мао Цзэ-дуна - и вначале ограничивались общей констатацией «негативных последствий» культа личности, пытаясь свести их к субъективным «ошибкам» И.В. Сталина, прежде всего в вопросах, касавшихся их страны.

ЖЕСТОКИЕ «ПЕРЕГИБЫ» И БЕСПОКОЙНЫЙ ПОСОЛ

Пожалуй, в самом сложном положении оказался Северный Вьетнам, безусловный лидер которого Хо Ши Мин, опираясь на широкую народную поддержку, стремился провести в своей стране широкомасштабные преобразования в сельском хозяйстве на основе согласованной в 1952 г.

лично с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым «аграрной программы Партии трудящихся Вьетнама»⁴. Закон о ее проведении на территории районов, контролируемых правительством ДРВ, был принят в декабре 1953 г. Главный лозунг реформы - «Землю тем, кто ее обрабатывает» - предполагалось осуществить, в основном, путем безвозмездной конфискации сельскохозяйственных угодий, принадлежавших французам и лояльным им помещикам. Но, как часто происходило в таких случаях, местные власти, особенно после разделения Вьетнама в 1954 г. на две части по 17-й параллели, стали постепенно включать в категорию помещиков и «врагов» крестьян-середняков и даже бедняков, высказывавших недовольство новым режимом.

С начала 1956 г. в стране проводились широкомасштабные репрессии в отношении «врагов социализма», ставшие как раз следствием проводившихся преобразований в сельской местности. Затем под этот маховик стали попадать и жители городов, в т.ч. и члены правящей партии. Лидеры ДРВ при этом также руководствовались намерениями «ускорить» продвижение северной части Вьетнама по пути социализма и показать пример «южанам».

Решения XX съезда КПСС вызвали у руководства ДРВ настоящий шок. Под вопрос ставилось будущее политическое развитие страны, которую Хо Ши Мин хотел видеть единой и неделимой. На 1956 г. были намечены всеобщие выборы, и, как пред-

ставлялось многим наблюдателям, на них ПТВ во главе со своим испытанным лидером должна была одержать безоговорочную победу над сторонниками американского ставленника, южновьетнамского президента Нго Динь Дьема. И вот на этом фоне как нельзя некстати у сторонников последнего появился «железный» аргумент: объединенный Вьетнам превратится в «тоталитарную диктатуру сталинского типа» со всеми вытекающими последствиями для народа.

Авторитет Хо Ши Мина в глазах населения Юга начал ослабевать. Тем более, что больших успехов в строительстве социализма на севере страны не наблюдалось в силу ряда причин как объективного, так и субъективного порядка. По некоторым данным, в ходе проведения «аграрной реформы» подвергся репрессиям каждый второй член Партии трудящихся. Десятки тысяч людей в экстремальных условиях трудились в т.н. лагерях по перевоспитанию. Фанатизм местных «реформаторов» подогревали многочисленные китайские советники, направленные в ДРВ в 1953 г. с согласия Советского Союза и вызывавшие ненависть у простых вьетнамцев⁵.

БЕСПОКОЙНЫЙ ПОСОЛ

И тут появляется энергичный новый посол СССР со своими представлениями о том, что нужно и чего не нужно делать при строительстве социализма во Вьетнаме.

Михаил Васильевич Зимянин вручил Хо Ши Мину верительные грамоты в марте 1953 г. Прежний посол А.А.Лаврищев либо игнорировал соответствующую информацию, поступающую в открывшееся летом 1954 г. в Ханое посольство СССР, либо его донесения в Москву (если таковые, конечно, были) не вызвали там интереса⁶.

Находясь на дипломатической работе в ДРВ, Михаил Васильевич Зимянин проявил себя с по-

А.И.Микоян и Хо Ши Мин на митинге в Ханое. Апрель 1956 г.

зитивной стороны. Он неоднократно посылал в Москву тревожные телеграммы о положении в стране пребывания, но в Кремле, занятом подготовкой к реализации решений XX съезда КПСС, поначалу его сигналы старались не замечать и даже высказывали по их поводу негативную реакцию. Видимо, сказывалось субъективное отношение к человеку, оступившемуся, пусть и не по своей воле, на пути к партийному Олимпу. До своего назначения на данный пост Зимянин, которому исполнился всего лишь 41 год, занимал должность секретаря ЦК КП(б) Белоруссии, в 1952 г. был избран членом ЦК КПСС. Но затем блестяще начавшаяся карьера пошла вниз, во многом потому, что после смерти Сталина его кандидатуру на пост первого секретаря ЦК КП Белоруссии по какому-то своим соображениям, возможно, связанным с партизанским прошлым Зимянина, лоббировал арестованный в июне 1953 г. Л.П.Берия⁷. Зимянин тогда был переведен на работу в Москву, в МИД СССР, где занял

должность заведующего отделом. После XX съезда КПСС Зимянин потерял членство в ЦК, но был избран в состав Центральной ревизионной комиссии КПСС. Должность посла в ДРВ занимал до 1958 г. Негласно партийные и государственные чиновники высокого ранга, отправлявшиеся в отдаленные от СССР государства, считались «опальными».

Собрав с помощью работников посольства и сотрудников внешней разведки значительное количество фактов, не в лучшем виде характеризовавших северовьетнамское руководство, Зимянин отправил в Москву на имя Н.С.Хрущева, соответствующую шифротелеграмму. По свидетельству очевидцев, тот не поверил и в запале воскликнул: «Что за ерунду пишет этот мальчишка?»⁸.

«РАЗБОР ПОЛЕТОВ» И РАЗЪЯСНЕНИЯ

Тем не менее, посол был настойчив, и Хрущев принял решение по завершении визитов А.И.Микояна в страны Южной Азии направить его в Ханой с тем, чтобы на месте разобраться в ситуации⁹. Этот советский партийный и государственный деятель в те годы часто выполнял деликатные внешнеполитические поручения, и многим запомнился своим выступлением на XX съезде КПСС. Еще до секретного доклада Хрущева, выступая в прениях по отчетному докладу, он, в частности, подверг критике пропагандистскую работу партии на основе «Краткого курса истории ВКП(б)», а также плачевное состояние советского востоковедения, не отвечавшего уровню все более расширявшихся отношений СССР со странами Востока¹⁰.

Чтобы не вызывать лишних вопросов и домыслов, «инспекционно-контрольная» поездка Микояна была замаскирована под официальный визит одного из высших руководителей СССР в дружественное государство.

К слову сказать, Микоян был

лично знаком с Хо Ши Мином. Он участвовал в его приеме в Москве во время тайного визита вьетнамского лидера в 1950 г.¹¹ и неодобрительно отзывался в кругу своих соратников о том, что Сталин «заставил» Хо Ши Мина пойти на переименование коммунистической партии в Партию трудящихся, несмотря на возражения последнего. «Фактически нельзя формулировки навязывать», - заявил Микоян на одном из заседаний президиума ЦК КПСС при обмене мнениями по проекту отчетного доклада XX съезду партии¹².

Неизвестно, контактировали ли А.И.Микоян и Хо Ши Мин во время второй негласной поездки Хо Ши Мина в СССР, происходившей осенью 1952 г., в дни работы XIX съезда КПСС, но летом 1955 г., во время третьего, уже официального визита президента ДРВ в Москву, они встречались, оговаривая перспективы и возможности советской экономической помощи ДРВ.

Как представляется, у Микояна с Хо Ши Мином сложились ровные, если не сказать дружеские, отношения, тем более, что

оба считались непревзойденными мастерами политических компромиссов.

По приезде 2 апреля в Ханой Микоян вначале негативно отнесся к встречавшему его на аэродроме Зимянину. По словам последнего, «был спор, даже ругань»¹³, но после первой же откровенной беседы Микоян понял, что оказался в привычной для него еще со сталинских времен роли, выражаясь современным языком, «антикризисного менеджера».

Чтобы не брать на себя всю полноту ответственности и не обидеть недоверием лидеров КНР, он попросил Хо Ши Мина пригласить в Ханой представителя руководства КПК с тем, чтобы вместе обсудить накопившиеся проблемы. Поскольку экономическими вопросами, в т.ч. связанными с Вьетнамом, ведал член политбюро ЦК КПК Чэнь Юнь, на него и пал выбор. Тот оперативно прилетел в Ханой и вместе с китайским послом в ДРВ Ло Гуйбо присоединился к советским представителям¹⁴.

Сопровождавшие Микояна лица вели подробный дневник его пребывания, в который были включены полные тексты всех его телеграмм, отправленных из Ханоя в Москву. Согласно этим записям, Микоян принял участие, совместно с Чэнь Юнем, в пяти заседаниях политбюро ЦК ПТВ и выступил на 150-тысячном митинге советско-вьетнамской дружбы, организованном в честь его приезда на центральной площади Ханоя - Бадинь.

Первое заседание политбюро ЦК ПТВ открылось в день приезда советских представителей. Согласно сообщению в Москву, А.И.Микоян и Чэнь Юнь решили выступать на этом заседании с «еди-

ной линией по вопросам развития вьетнамской революции»¹⁵.

Выражая совместную точку зрения, Чэнь Юнь заявил, что вьетнамским товарищам не следует перепрыгивать через необходимые этапы развития своей страны, и при этом сослался на высказывание Мао Цзэдуна: «Надо поменьше говорить о социализме, а побольше делать».

Затем слово получили генеральный секретарь ЦК ПТВ Чыонг Тинь и министр обороны Во Нгуен Зиап. По наблюдениям Микояна, у них имелаась «склонность форсировать строительство социализма». Чыонг Тинь, аргументируя свою позицию, ссылаясь на выступления руководителей ГДР и КНДР, соответствующие его представлениям по этому вопросу, а Во Нгуен Зиап высказался в том духе, что «с завершением аграрной революции в текущем году завершится и буржуазно-демократическая революция в ДРВ и начнется этап развития социалистической революции». А.И. Микоян писал в Москву: «Этим товарищам, у которых чувствуется большой интерес к вопросам теории, были даны разъяснения в духе указаний ЦК КПСС», после чего «... все выступавшие товарищи выразили единодушное одобрение соображений, которые были высказаны мною и т. Чэнь Юнем, и благодарили»¹⁶.

На следующий день прошло второе заседание политбюро ЦК ПТВ, на котором Микоян и Чэнь Юнь указали своим северовьетнамским коллегам на необходимость «усиления экономических и культурных связей с Южным Вьетнамом и всяческого укрепления там влияния ДРВ», поскольку с уходом оттуда французов борьба за Женевские соглашения не кончается. Вывод экспедиционной части страны, по их мнению, следовало представлять «как результат победы ДРВ, разгромившей колонизаторов», «чтобы Дьем не пожинал плоды этой победы»¹⁷.

Советский и китайский представители поддержали намерения руководства ДРВ улучшить отношения с соседней Камбод-

А.И.Микоян и генеральный секретарь Партии трудящихся Вьетнама Чыонг Тинь (справа). Апрель 1956 г.

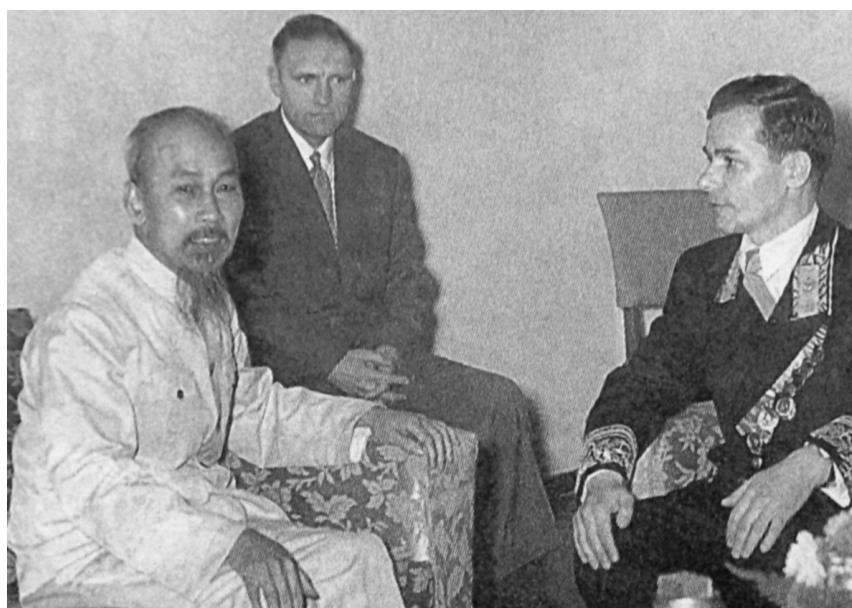

жей, поскольку Советский Союз предпринял шаги по установлению дипломатических отношений с этим государством. Относительно Лаоса Микоян посоветовал вьетнамским товарищам «внимательно разобраться в обстановке» и действовать так, чтобы избежать обвинений мирового сообщества в нарушении Женевских соглашений 1954 г. в части, касавшейся этого государства¹⁸.

Во второй половине дня на площади Бадинь состоялся митинг по случаю пребывания в ДРВ А.И.Микояна, который открыл своим выступлением Хо Ши Мин. В частности, он заявил: «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза подвел итоги богатого опыта советского народа за многие годы. Утверждены Директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства в целях дальнейшего развития и процветания страны. Съезд явился источником воодушевления для народов всего мира, еще ярче осветил путь к победе для советского народа и одновременно помог нашему народу и народам всего мира ясно определить путь борьбы за независимость, демократию и мир». О критике культа личности не было сказано ни слова.

В своем выступлении северовьетнамский лидер дипломатично обыграл состоявшийся накануне нелицеприятный разговор об аграрной реформе и о «мирном» объединении страны: «В этом году мы должны успешно завершить аграрную реформу, передать землю в руки крестьян Северного Вьетнама. Мы должны выполнить государственный план, восстановить экономику и начать развивать культуру», а также «бороться на основании Женевских соглашений за объединение нашей страны мирным путем»¹⁹.

Вечером состоялось третье заседание политбюро ЦК ПТВ. Накануне его проведения Микоян отправил свое очередное послание в Москву, из содержания которого следовало, что «будет взята линия не на раздувание капитального строительства в ДРВ, а на некоторые его сокращения».

Китайцы, по его словам, с этим предложением согласились²⁰.

На заседании Микояну пришлось подробно ответить на ряд заранее сформулированных нелицеприятных вопросов, которые задали ему Хо Ши Мин и Во Нгуен Зианп.

Они звучали так: почему вопрос о культе личности Сталина в ходе работы XX съезда КПСС «был поставлен неожиданно, без предварительной подготовки, это застало врасплох многих руководителей коммунистов Вьетнама и вызвало недопонимание?»; как отнеслись в Советском Союзе к докладу о культе личности и почему этот доклад не носил сбалансированный характер, почему были приведены только отрицательные стороны деятельности Сталина и опущены положительные?; были ли известны членам политбюро ЦК КПСС ошибки Сталина или стали известны только теперь?; как могло случиться, что «многое из содержания этого доклада было опубликовано в буржуазной прессе еще до того, как товарищи из ДРВ получили этот доклад?». Они сомневаются, писал далее Микоян, и просят совета, можно ли переводить этот доклад на вьетнамский язык и ознакомить с ним членов ЦК. «Я ответил положительно... и дал соответствующие разъяснения по другим вопросам»²¹.

5 апреля, с перерывом, состоялись четвертое и пятое заседания

Посол СССР в ДРВ М.В.Зиминин на встрече с Хо Ши Мином. 1956 г.

политбюро ЦК ПТВ. Вначале вместе с Микояном руководители ДРВ обсудили проект плана развития народного хозяйства ДРВ на 1957-1959 гг. Опять было продемонстрировано формальное единство мнений с представителями КНР, совместно с которыми выработывались замечания по плану.

В ходе работы пятого заседания руководители ДРВ вновь попросили «дополнительные разъяснения» по следующим вопросам: почему Отчетный доклад ЦК КПСС съезду не содержал критики в адрес ЦК КПСС?; известны ли были раньше ошибки Сталина членам ЦК и неужели нельзя было найти возможности своевременно их исправить? Хо Ши Мин заявил, что ввиду большого авторитета Сталина всё это трудно разъяснить членам Партии трудящихся. «После моих разъяснений, - подчеркнул Микоян, - Хо Ши Мин и другие члены Политбюро заявили, что им все ясно, и они удовлетворены этими разъяснениями»²².

«К концу заседания, - сообщал далее в своем послании А.И.Микоян, - Хо Ши Мин сказал, что советская безвозмездная помощь фактически исчерпана. Они будут нуждаться в помощи и в даль-

нейшем. Они, конечно, предпочли, чтобы и в последующем она была бы безвозмездной, но если это будет затруднительно, то просили бы в виде возвратного кредита. ...Я сказал, что мы считали, что после полученной от нас и других стран такой большой безвозмездной помощи они должны были стать на ноги и в дальнейшем обойтись без помощи. На это они заявили, что, к сожалению, обойтись без дальнейшей помощи не смогут. Товарищ Зианп затронул вопрос о помощи поставкой из СССР вооружения, которое не производится в КНР. Я ответил, что их заявка рассматривается в Москве, но пока не закончена».

Далее советский руководитель обратил внимание присутствующих на следующие обстоятельства.

Первое. В ДРВ исключено из партии 40 тыс. человек. Следует обратить внимание, нет ли перегибов при таком масштабе исключений, поскольку «это может усилить лагерь противников демократической власти». *Второе.* Руководители ДРВ в своих выступлениях и периодической печати «много шумят о подавлении саботажа и подрывных элементов». Им был дан совет: «саботаж подавлять и подрывные элементы ликвидировать, но об этом не кричать, ибо это может быть использовано на юге Вьетнама против демократических элементов и членов Партии трудящихся. Кроме того, это может создать неуверенность в крепости режима».

По словам Микояна, «вьетнамские товарищи согласились с этими замечаниями». В тот же день Хо Ши Мин вручил главе советской делегации письмо, адресованное президиуму ЦК КПСС, в котором отмечалось, что «тов. Микоян помог нам разрешить много важных вопросов», и выражалось сожаление, что «его пребывание у нас было слишком кратким»²³.

Микоян дал понять своим северовьетнамским собеседникам, что террор в отношении внутренней оппозиции их режиму необходимо продолжить, но делать это надо осторожно и без публич-

ной огласки. В результате, «по горячим следам», в Ханое провели пленум ЦК ПТВ; формально на нем осудили «перегибы» и вместо их инициатора Чыонг Тиня, ответственным за реформы назначили Ле Зуана, не имевшего прямого отношения к репрессиям, поскольку в тот период он находился на нелегальной работе в Южном Вьетнаме²⁴. Преследование «несогласных» с проводимой ПТВ политикой продолжилось, но, как и советовал Микоян, «без огласки».

ГОЛОДОМОР ПО-КИТАЙСКИ

6 апреля Микоян вылетел в Пекин, где его ожидала еще одна важная встреча - с председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном, его заместителем Лю Шаоци и главой правительства Чжоу Эньлаем.

После смерти Сталина Мао Цзэдун неоднократно выступал с инициативами об ускорении темпов кооперирования сельского хозяйства КНР. Как и во Вьетнаме, с осени 1953 г. по всему Китаю начались изъятия сельскохозяйственной продукции у непосредственных производителей. Мотив был тот же, что и в Советском Союзе в конце 1920-х гг. - начале 1930-х гг.: превращение страны в мощную державу. Власти в идеале хотели оставлять крестьянам столько риса, сколько необходимо для физиологического выживания - т.н. «основное питание» в количестве 200 кг зерна в год на человека с перспективой его сокращения до 110-140 кг. В случае отказа крестьян отдавать «излишки», местным властям предлагалось применять насилие, о чем Мао Цзэдун 1 октября 1953 г. дал указание Чэнь Юню.

Уже через полтора года после начала «экспроприации» по всей стране начался голод. В некоторых местах люди питались древесной корой, листьями, лесными травами, бросали родных детей на произвол судьбы, поскольку не могли их прокормить. Многие крестьяне умирали от голода. На поступающую с мест тревожную информацию у Мао был один ответ: «Марксизм достаточно жест-

кая вещь». С середины 1955 г., чтобы еще больше увеличить зависимость крестьянства от власти, их насильно стали объединять в кооперативы наподобие советских колхозов. По отношению к несогласным применялись репрессии.

В январе 1956 г. в КНР был разработан проект 12-летнего плана развития сельского хозяйства, наметивший значительное увеличение производства риса. При этом не предусматривалось никакой модернизации сельского хозяйства и даже увеличения производства удобрений. В кооперативах различного типа к тому моменту уже трудилось более 90% крестьян²⁵.

Мао в этом вопросе столкнулся с несогласием практически всего состава политбюро ЦК КПК, включая ближайших соратников - Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. В эти дни главный советский экономический советник в КНР И.В.Архипов сообщал в Москву, что Мао Цзэдун, по его мнению, не имеет никакого представления об экономике. При этом китайский лидер, используя дипломатические каналы, пропагандировал свои «аграрные» идеи руководству ряда социалистических стран Восточной Европы. Так, по воспоминаниям венгерского коммунистического лидера М.Ракоши, китайский посол в начале 1956 г. по поручению Мао Цзэдуна подробно информировал его о ходе аграрной реформы, в частности, просил присмотреться к такому «прогрессивному» начинанию, как сохранение бывшим крупным землевладельцам небольших участков земли для возделывания собственными руками²⁶. Требования об ускорении темпов социалистических преобразований были распространены и на промышленность.

Наиболее яркое отражение эти идеи нашли в выступлении Мао Цзэдуна 6 декабря 1955 г. «О борьбе против правого уклона и консерватизма» и в его предисловии к сборнику «Социалистический подъем в китайской деревне». В январе 1956 г. китайский лидер во всеуслышание заявил, что в течение ближайших трех

лет «социалистические преобразования» будут завершены на всей территории КНР²⁷. По всей стране стали пропагандироваться лозунги о строительстве социализма по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее», «бедность - это хорошо!» и т.п.

ЖАЛОБЫ ПЕКИНА

Именно на этом фоне в Пекине узнали о решениях XX съезда КПСС, а затем - о недовольстве советского руководства аграрной реформой в ДРВ, проводимой под патронажем КНР, и начали подстраиваться под новые веяния из Москвы.

За день до приезда Микояна в передовой статье главного партийного органа «Жэньминь жибао» указывалось, что на 30% в деятельности Сталина имели место ошибки, а 70% составляют его заслуги*. При этом в адрес руководства КПСС прозвучала похвала за «самоотверженную» критику ошибок прошлого.

Мао Цзэдун во время первой встречи прямо указал Микояну на ошибки Сталина, связанные с его культом личности. Свел он их, в основном, к нежеланию советского вождя идти навстречу КПК и негативной роли Коминтерна в истории китайского коммунистического движения. Так, по его словам, из-за ошибок Коминтерна и лично Сталина КПК сильно пострадала в первой половине 1930-х гг., во время гражданской войны со сторонниками Чан Кайши. Красная армия в это время сократилась с 300 тыс. до 25 тыс. бойцов. «Дело шло ко дну», - заявил Мао. Кроме того, он отметил, что тогда поступали неправильные директивы от его главного политического оппонента - Ван Мина, которому удалось, используя хорошее знание русского языка и свои качества «большого подхалима», втереться в доверие к Сталину и таким образом негативно влиять на положение в КПК²⁸.

Затем к разговору подключилась глава правительства КНР Чжоу Эньлай. По его словам, находясь в Москве в 1939-1940 гг., он так и не смог добиться личной встречи со Сталиным²⁹. Мао Цзэдун добавил, что, будучи в Москве в конце 1949 - начале 1950 гг., чувствовал, что Сталин ему не доверяет, во всем сквозило его недовольство по отношению к нему. Советский вождь сравнивал китайцев с югославами и вначале не хотел подписывать договор о дружбе с КНР. В Синьцзяне советские представители сеяли недоверие к новому режиму³⁰.

Микоян, сообщая о жалобах лидеров КПК в Москву, отметил, что он постарался разрядить обстановку: «Я сказал, что мнительность Сталина зашла так далеко за последние годы, что он не только Мао Цзэдуну иногда выражал недоверие, но и не доверял даже нам, его ближайшим товарищам»³¹.

Мао Цзэдун в ответ заявил, что «теперь, после XX съезда, им легче называть вещи своими именами». Когда речь зашла о перспективах Коминформа, китайский лидер констатировал, что эта организация «приносит не пользу, а скорее вред» и не следует вместо нее создавать Контактное бюро, как это предлагали представители КПСС.

Чжоу Эньлай напомнил, что во время пребывания в Москве в 1949-м - начале 1950 гг. вместе с Мао Цзэдуном они поставили перед Сталиным вопрос о возможности возвращения Монголии в состав КНР и что тогда им был дан «неправильный» ответ. В свою очередь, Лю Шаоци, развивая эту тему, сделал акцент на психологической травме, которую «глубоко переживает» китайский народ из-за выхода Внешней Монголии из состава Китая. Микоян ответил, что об этом вопросе лучше всего спросить мнение самих жителей МНР³². Конечно, такая реакция одного из высших советских руководителей явно не могла удовлетворить китайских коммунистических лидеров³³.

Китайских лидеров могло несколько подбодрить то обстоя-

тельство, что 7 апреля 1956 г. А.И.Микоян от имени СССР подписал соглашение об оказании КНР дополнительной экономической помощи. Предусматривалось строительство новых гражданских и военных объектов, включая заводы по производству вооружений³⁴.

* * *

В целом, лидеры ДРВ оказались более резкими и прямолинейными в своих оценках негативных последствий разоблачения культа личности, чем их китайские коллеги, отреагировавшие с присущим им прагматизмом.

Микоян дал понять, что в случае публичного выражения согласия с решениями XX съезда широкомасштабная советская экономическая и военная помощь ДРВ и КНР будет продолжена. В результате, в Северном Вьетнаме и Китае вскоре было объявлено о «либерализации» внутривнутриполитического курса, в ограниченных масштабах была дозволена некоторая «оппозиционность», в частности в КНР была развернута идеологическая кампания под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». В последующем их участники, поверившие в серьезность намерений Хо Ши Мина и Мао Цзэдуна, подверглись репрессиям³⁵.

Но, одержав некоторую промежуточную победу, Советский Союз потерял в данном регионе инициативу, которая постепенно перешла к лидерам КНР, поставившим под свой контроль практически все коммунистические партии в Юго-Восточной Азии.

Последние иллюзии относительно возрождения в Советском Союзе сталинской модели социализма у руководства Китая и Северного Вьетнама исчезли летом 1957 г., когда была отстранена от власти т.н. «антипартийная группа»³⁶. Через несколько лет начнется раскол в международном коммунистическом движении, и на многие годы взаимоотношения СССР с социалистическими государствами Восточной Азии приобретут сложный характер.

* Впоследствии эта пропорция была взята на вооружение руководством КПК для официальной оценки деятельности Мао Цзэдуна (прим. ред. Е.Русакова).

¹ В современных исторических исследованиях она все чаще именуется «национальным сталинизмом» (см., например: *Ланьков А.Н.* Август, 1956 год: Кризис в Северной Корее. М., РОССПЭН, 2009, с. 4).

² Сейчас в официальной пропаганде КНДР эти визиты объединяются под заголовками «В борьбе против ереси хрущевизма», «Первый бой хрущевскому ревизионизму» и т.п. и характеризуются как важный вклад Ким Ир Сена в практику международного коммунистического движения (Встречи Президента Ким Ир Сена: Часть 1 (март 1949-ноябрь 1966 г.) // сайт «Чучхе-сонгун» - <http://www.juche-songun.ru>

³ Мы не затрагиваем данный сюжет в силу ограниченного объема статьи и относительно полного освещения в монографии А.Н.Ланькова всех перипетий советско-северокорейских отношений в 1956 г. (в т.ч. происходивших при активном участии А.И.Микояна).

⁴ *Селиванов И.Н.* Москва - Хо Ши Мин. Контакты 1950-1952 // Вопросы истории, 2012, № 8.

⁵ В 2001 г. в переводе на русский язык была опубликована коллективная работа «Черная книга коммунизма» (французское издание - 1997). В разделе, посвященном Вьетнаму, со ссылками на вышедшие во второй половине 1990-х гг. исследования Д.Марра, Ж.Будареля и Нгуен Ван Ки, приведены ужасающие факты фанатизма, с которым северовьетнамские партийные активисты, сотрудники органов госбезопасности и армейские подразделения проводили в жизнь установки «аграрной программы Партии трудящихся Вьетнама». Когда «закончились» номинальные враги, принялись за членов ЦК, некоторые из которых шли на казнь со здравницами в честь партии и ее лидера (*Картуа С. и др.* «Черная книга» коммунизма. М., Три века истории, 2001, с. 526-529).

⁶ При подготовке данной статьи автор познакомился с рассекреченными на сегодняшний день материалами референтуры по Вьетнаму в Архиве внешней политики РФ, но никаких упоминаний о возможных тревожных сигналах работников советского посольства в МИД СССР там не обнаружил. Материалы соответствующего фонда в бывшем архиве ЦК КПСС (ныне Российский государственный архив новейшей истории) до сих пор засекречены.

⁷ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. Россия. XX век. Документ. М., МФД, 2012, с. 93-95.

⁸ *Бублеев М.* Из поколения победителей. М., Голодец, 2007, с. 35.

⁹ А.И.Микоян с 20 марта 1956 г. совершил поездки в Афганистан, Пакистан, Индию и Бирму.

¹⁰ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., Политиздат, 1956, с. 324-325.

¹¹ *Конорева И.А., Селиванов И.Н.* Тайные поездки дядюшки Хо. Вьетнамский лидер в Москве (1950-1952) // Родина, 2008, № 7.

¹² Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., РОССПЭН, 2004, с. 90.

¹³ Там же, с. 36.

¹⁴ Кроме А.И.Микояна и М.В.Зимянина, в консультациях принял участие (видимо, для придания убедительности версии об «официальном» визите в ДРВ советской делегации) сопровождавший Микояна в поездке в страны Южной Азии председатель президиума Верховного совета Узбекской ССР Ш.Р.Рашидов. Подробнее о новых веяниях в политике СССР в отношении государств Азии в середине 1950-х гг. см.: *Васильев А.М.* От мессианства к прагматизму. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., Наука, 1993.

¹⁵ ГАРФ, ф. 5446, оп. 98 с, д. 704, л. 101. Чэнь Юнь считался в руководстве КНР ведущим специалистом по вопросам экономического строительства и с конца 1953 г. курировал как аграрные преобразования в Китае, так и деятельность китайских советников в ДРВ.

¹⁶ Там же, л. 102.

¹⁷ Там же, л. 104-105.

¹⁸ Там же, л. 105.

¹⁹ Там же, л. 106-108.

²⁰ ГАРФ, ф. 5446, оп. 98 с, д. 704, л. 115.

²¹ Там же, л. 116. В своих мемуарах Микоян прямо писал: «Повторю, именно я предложил сделать доклад XX съезду (правда, я предлагал сделать его Поспелову). Но Хрущев, наверное, оказался прав, что доклад надо было делать Первому секретарю. Я предлагал нам всем войти в комиссию. Но и тут Хрущев, видимо, был прав, что мы слишком близки были к Сталину сами, лучше нам не входить в комиссию. Как бы то ни было, доклад и разоблачение преступлений Ста-

лина были необходимы для оздоровления и партии, и общества в целом, для возрождения демократии и законности» (*Микоян А.И.* Так было // сайт «Военная литература» - <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html>).

²² ГАРФ, ф. 5446, оп. 98 с, д. 704, л. 117.

²³ Там же, л. 118.

²⁴ Пленум ЦК ПТВ проходил с 19 по 24 апреля 1956 г.

²⁵ Подробнее см.: *Юн Чжан, Холлидей Дж.* Неизвестный Мао. М., Центрполиграф, 2006, с. 416-418; *Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., Молодая гвардия, 2007, с. 564-575.

²⁶ «Видел, как возникает культ личности». Матяш Ракоши о Сталине и себе // Вестник Архива президента Российской Федерации, 1997, № 1.

²⁷ Правда, 27.01.1956. Сборник «Социалистический подъем в китайской деревне» в начале 1956 г. был переведен на русский язык и опубликован в СССР.

²⁸ Интересна дальнейшая судьба этого политического деятеля КНР, с середины 1930-х гг. являвшегося членом президиума исполкома Коминтерна. В сентябре 1956 г. на VIII съезде КПК он был избран в состав ЦК, но вынужден был остаться (под предлогом «лечения») в СССР. В период советско-китайской полемики активно поддерживал линию КПСС. Скончался в 1974 г. и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

²⁹ Если брать во внимание информацию, которой располагал находившийся в годы Великой Отечественной войны в расположении руководства КПК в Яньяни советский кадровый разведчик, журналист и дипломат П.П.Владимиров, Чжоу Эньлай приехал осенью 1939 г. в Москву под предлогом лечения больной руки, а на самом деле, выполняя поручение Мао Цзэдуна, хотел добиться прекращения советской помощи правительству Чан Кайши, столица которого тогда располагалась в Чунцине (см.: *Владимиров П.П.* Особый район Китая. 1942-1945. М., 1973, с. 451). Видимо, И.В.Сталин, располагая соответствующими данными (возможно, полученными от того же Ван Мина), понимал, что лидеры КПК в первую очередь руководствовались только собственными интересами, без учета возможных проблем для СССР от такого шага, и под разными предложениями отказывался от этой встречи.

³⁰ В период японо-китайской войны 1937-1945 гг. на территории Синьцзяна усилились сепаратистские настроения, что привело, во многом по инициативе из Москвы, к созданию там «Восточно-Туркестанской республики», руководители которой неоднократно обращались с просьбой о ее приеме в состав СССР. Подробнее см.: *Бармин В.А.* Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949. Барнаул, БГПУ, 1999.

³¹ ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 98 с, д. 704, л. 125.

³² ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 98 с, д. 704, л. 130.

³³ К слову сказать, А.И.Микоян из Пекина вылетел в Улан-Батор, где наверняка проинформировал руководство МНР о состоявшейся у него в Пекине беседе с руководством КНР и претензиях, которые они предъявили в отношении территориальной целостности их государства. Таким образом, монгольские руководители, также недовольные решениями XX съезда КПСС, вынуждены были их одобрить, исходя не только из экономической выгоды, но и видя в СССР гаранта их независимости.

³⁴ *Каница М.С.* На разных параллелях. М., Книга и бизнес, 1996, с. 63.

³⁵ Подробнее см.: *Boudarel G.* Cent fleurs ecloses dans la nuit du Vietnam: communisme et dissidence 1954-1956. Paris, 1991; *Панцов А.В.* Указ. соч., с. 597-599.

³⁶ Весной 1957 г. в Китае, Вьетнаме и МНР с беспрецедентными почестями приняли номинального главу советского государства К.Е.Ворошилова, по-видимому, рассчитывая, что он является одним из политиков, который, наряду с другими представителями «старой гвардии», сможет отстранить от власти Н.С.Хрущева и вернуть СССР на прежний, «сталинский» путь развития.